УДК 930(410)“17” + 94(410)

В. В. Высокова

«СПОР О ДРЕВНИХ И НОВЫХ» И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЗМА В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII в.

В статье рассматривается возникновение и противостояние двух тенденций в развитии научного знания на Британских островах в конце XVII — начале XVIII в. Первая тенденция была представлена У. Темплем, Дж. Свифтом, А. Поупом и базировалась на «неоримском» стандарте историописания. Вторая тенденция опиралась на развитие антикварного дискурса точного знания, ее отстаивали У. Уоттон и Р. Бентли. Автор приходит к выводу о том, что знаменитая «битва книг» завершилась победой «древних». Результатом этого стало замедленное формирование историзма в британской исторической традиции эпохи Просвещения. Статья выполнена на основе подходов, сложившихся в интеллектуальной истории.

Ключевые слова: Английское Просвещение; история исторической науки; У. Темпл; Р. Бентли; Дж. Хикс; историзм.

«Спор о древних и новых» — эта дискуссия была широко известна на рубеже XVII–XVIII вв., но сегодня она в значительной степени забыта. В Англии ее начало было положено публикацией в 1690 г. небольшого эссе отставного английского сельского джентльмена сэра Уильяма Темпла. В ответ хлынул поток малых и больших сочинений. В английской интеллектуальной жизни началось одно из наиболее заметных событий, которое Джонатан Свифт назвал «битвой книг». Почва для него подготавливалась на протяжении XVI–XVII вв., когда в среде антикваров постепенно сформировался вопрос: были ли греки и римляне в культурном отношении выше последовавших за ними народов? Или же людям рубежа XVII–XVIII вв. в какой-то степени удалось достичь их уровня и, может быть, даже в чем-то его превзойти? Эссе сэра Уильяма оказалось всецело сосредоточено на данном вопросе. В поисках ответа на него участники спора обратились к обширному историческому материалу от античности до нового времени. В ходе дискуссии шло формирование нового представления об истории и ее назначении. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Вынесенный на обсуждение вопрос был поставлен таким образом, как будто от его решения зависела судьба всей западной цивилизации: пойдет ли она вперед к чему-то новому и лучшему, развивая классические образцы, или же будет продолжать сожалеть о прошедшем «золотом веке» и сетовать на упадок современного мира. С практической точки зрения нужно было определиться: следовать ли строго правилам и примерам классической жизни и литературы, которые вступали в конфликт с современным миром, или позволить себе некоторую долю свободы в размышлениях и действиях. В течение нескольких десятилетий внимание к этому вопросу не ослабевало, почти каждый образованный англичанин имел свое мнение на этот счет и готов был его отстаивать. Конечно, у этой дискуссии имелись более широкие основания, и за Ла-Маншем она была еще более шумной и острой. Однако к 1730-м гг. буря стихла по обе стороны

© Высокова В. В., 2014

пролива, и установилось, по крайней мере видимое, равновесие. Аргументы были исчерпаны, хотя ни одна из сторон в споре не одержала очевидной победы.

На самом деле, битва в значительной степени закончилась вничью, что бы ни предпочитали думать на этот счет как тогда, так и сейчас. Еще задолго до того, как спор закончился, «поле» борьбы уже было поделено. Все, что связывалось с накоплением знаний в области естественных наук и философии, было выиграно «новыми». Все, что касалось литературы и искусства, т. е. воспроизведения «старых образцов», осталось надежно в руках «древних». В течение долгого времени почти все были удовлетворены этим компромиссом, хотя Темпл и его сторонники остались верны тезису о том, что все искусства и науки вышли из древности. Конечно это деление на «старых» и «новых» носило условный характер. И при ближайшем рассмотрении, очевидно, что, по крайней мере, одна из областей знания не могла быть однозначно причислена к компетенции «старых» или «новых». Это была *история*, и ни одна из сторон в дискуссии не могла с уверенностью сказать, принадлежит ли история к накопительной области знаний или является одним из видов искусств? В этом и заключалась очевидная трудность, с которой было не так легко справиться и которую нельзя обойти вниманием при рассмотрении долгого и проблематичного признания значения «битвы книг» в становлении национального историописания в Британии XVIII в.

Дело в том, что с самого начала в ренессансном гуманизме скрывался парадокс. С одной стороны, гуманисты воскресили классику античности и приступили, подражая ей, к решению практических задач современности. Особенно высоко они оценили ее литературные достоинства, возобновив изучение и применение приемов и методов древней риторики. С другой стороны, «открытие» древних авторов формировало интерес к конкретно-историческому контексту их жизни. Возникал вопрос: как и почему они писали свои сочинения. В результате, ученые эпохи Возрождения изобрели многие из приемов и методов современной филологии. Две эти тенденции, которые сначала находились в гармонии друг с другом, в конце концов, оказались несовместимы. По мере того, как гуманисты изучали организацию власти древних и придавали классике универсальный вневременной статус, их исследования начали подтачивать их собственные представления о древнем мире. Они постепенно стали осознавать непоследовательность древних авторов, противоречивость содержания их трудов. Таким образом, тенденция идеализации античности столкнулась с развивающимся новым критическим осмыслением истории. Со временем эти различия усиливались — между подражанием и изучением, риторикой и филологией, литературой и историей. Стало очевидным, что выбора не избежать, «битва книг» и стала проявлением кризисного момента «разрыва» и становления «нового» представления об историописании в первой половине XVIII в.

Если говорить об историографии вопроса, то «битву книг» изучают в контексте истории английской литературы, где она рассматривается как литературный фон произведений Джонатана Свифта и Александра Поупа. Но Свифт был враждебно настроен к «новым», не был силен в истории и, скорее всего, равнодушен к ней, кроме того, он написал свое произведение «Битва книг» задолго до того, как спор закончился, в 1697 г. Первой попыткой рассмотреть эту дискуссию

в русле истории идей стали работы американского историка Р. Ф. Джонса. Несомненно, в 20-е гг. XX в. он стал пионером в постановке вопроса о нарастающих различиях между литературой и историей в раннее Новое время. Именно Джонс показал «битву» как один из эпизодов большой дискуссии между «древними» и «новыми» [Jones, 1920; 1981]. В 1970–1980-е гг. эта тема была подхвачена другим американским историком Дж. Ливайном и помещена в интеллектуальный контекст изучения «Августинианской эпохи» в истории Британии [Levine, 1986; 1994; 1999]. Кроме того существует литература, позволяющая проследить истоки спора, влияния на него итальянского Возрождения и его распространения в Западной Европе [Hans; Black; Keller, и др.]. Если же говорить об изучении вопроса в отечественной историографии, то данная статья развивает и углубляет идеи выдающегося советского историка М. А. Барга о становлении историзма в раннее Новое время [Барг; Барг, Авдеева].

Однако вернемся к сути вопроса. Сегодня Уильяма Темпла (1628–1699), автора эссе «О знаниях древних и новых» 1690 г. [см.: Sir William Temple's essays], чаще всего помнят как патрона Джонатана Свифта. Он был выдающимся дипломатом и политическим мыслителем своего времени [см.: Маколей; Courtenay; Marburg; Homer; Faber]. К моменту написания эссе Темпл являлся одним из влиятельных политических деятелей Лондона. Будучи послом в Гааге, Темпл содействовал успешному завершению Второй англо-голландской войны, заключению Тройственного союза 1668 г. (в составе Англии, Швеции, Голландии), а также достижению брачного союза между Вильгельмом Оранским и принцессой Марией Стюарт в 1677 г. Сэр Уильям не был ученым и его интерес к «старому» и «новому» определялся практическими целями. Однако писателем он был искусным и его сочинение 1673 г. «Заметки о Республике Соединенных Провинций» [Temple, 1673] уже выдержало несколько изданий. Исследователи единодушны в том, что сэр Уильям написал свое эссе под влиянием двух весьма смелых для того времени сочинений, появившихся в 80-е гг. XVII в. Это работа английского теолога Томаса Барнета «Священная теория Земли», сначала вышедшая на латинском, а затем на английском языке [см.: Burnet] и коротенькое эссе «Отступление по поводу древних и новых» талантливого «верификатора», в будущем академика Французской Академии Бернара Фонтенеля [Fontenelle, 1688; Фонтенель], автора ранее нашумевших «Разговоров о множестве миров» [см.: Fontenelle, 1686; Разговоры о множестве миров]. Появление обеих работ определялось растущим объемом знаний в области «естественной истории» Земли и стремлением решить вопрос о научном объяснении ее происхождения. Эти сочинения носили космогонический характер и отражали в значительной степени спекулятивное стремление авторов объяснить происхождение Вселенной, Земли и Солнца. Несмотря на то, что У. Темпл был далек от естественнонаучных изысканий, он, как политик, тонко уловил идейную подоплеку «нового» объяснения «начала начал Земли» [Пучков]. Его позиция — позиция моралиста и скептика — заключалась в убеждении о неизменности человеческой природы. Она базировалось на представлении о том, что человеку все было дано уже в момент «сотворения мира». На страницах эссе Темпл использовал две красноречивые метафоры, которые прочно вошли в интеллектуальное поле последующей

дискуссии. Первая — он сравнил «нового» человека с карликом, стоящим на плечах «гигантов», имея в виду, что современный человек видит дальше, потому что он «стоит» на опыте «древних». Вторая — «древние» уже обладали ясным представлением о природе, и современный человек только уточняет / отражает видение «древних». Эти две метафоры «карлик / гигант» и «отражающий / источающий» свет стали ключевыми в последующей полемике.

Обратим внимание читателя на то, что 90-е гг. XVII в. в Англии были эпохой Исаака Ньютона и Роберта Бойла — эпохой бурных естественнонаучных открытий. И, конечно, многим хотелось дать ответ «ретрограду» Темплу, но его авторитет и почтенная старость были серьезными препятствиями. Однако два молодых академика не так давно созданной Лондонской королевской академии наук пошли в атаку — филолог-классик и, как сегодня считают, один из основателей исторической филологии и научной школы эллинизма в Британии Ричард Бентли (1662–1742) и внесший решающий вклад в изучение текстов средневековых валлийских законов Уильям Уоттон (1666–1727). Уоттон и Бентли были друзьями, что определялось общим кругом знакомств и увлечением классической филологией. С большим удовлетворением Уоттон нашел в Бентли единомышленника в оценке сочинения Темпла. Но особое удовольствие молодым классицистам доставляло то, что старик допустил курьезную ошибку, высоко оценивая некоторые ложные, как уже тогда полагали, послания древнегреческого тирана Фалариса [Фролов, 2002; 2004, с. 115–127]. Уоттон сразу увидел шанс прославиться и взял с Бентли слово изложить свои мысли по этому вопросу [Richard Bently to William Wotton]. Здесь действительно было, где развернуться «новой» науке и преподать урок «древним».

Дело в том, что Темпл, рассуждая о красоте и литературных достоинствах «древних» и «новых» языков, и, в частности, о преимуществах, называет в качестве самых уважаемых сочинений древних авторов «Басни» Эзопа и «Эпистолы» Фалариса, датируемые VI в. до н. э. «Я думаю, что в Эпистолах Фалариса больше Увлекательности, силы Духа, больше Остроумия и Гения, чем в любом другом сочинении, которое я когда-либо видел, либо у древних, либо у новых», высказывал свою точку зрения Темпл. «Такое разнообразие Страстей при таком обилии вызовов и обстоятельств Жизни и Правления, такая Свобода Мысли, такая Смелость Выражения, такая Щедрость к своим Друзьям, такое Презрение к своим Врагам, такое Почитание Ученых людей, такое уважение Хороших, такое Знание жизни, такое Презрение к Смерти, такая Природная Сила и осознанность Мести» [Sir William Temple's essays, p. 34–35]. Именно этот небольшой пассаж стал и «яблоком раздора», и «точкой роста» «новых».

Первым в спор вступил У. Уоттон, когда в 1694 г. (и снова в 1697 г.) издал работу «Размышления о знаниях древних и новых» [см.: Wotton, 1694], ставшую «...из всех работ в полемике, которые уже появились на английском или французском языках, несомненно... самой разумной» [Levine, 1994, p. 34]. Надо заметить, что за Уоттоном к этому времени уже закрепилась слава «молодого гения», вундеркинда, который в шестилетнем возрасте читал Библию на английском, латинском, греческом и древнееврейском языках, впоследствии выучил арабский, сирийский, халдейский. В отличие от старика Темпла, который изрядно

подзабыл греческий язык, Уоттон был выдающимся лингвистом своего времени. В 20 лет он уже был избран членом Лондонской королевской академии. Его научная карьера началась с перевода сочинения французского историка-янсениста Луи Дюпена «Новая история церковных писателей» [см.: Dupin, 1691–1715], первый том которого на английском языке вышел в 1692 г. [Dupin, 1692–1699].

В отличие от короткого эссе Темпла, «Размышления» Уоттона были полновесной книгой. И надо заметить, что пиетет перед античными авторами «нового» классициста был так же высок, как и у Темпла. Уоттон полагал, что уже древние сформировали основы знаний в области морали и политики — однако считал, что к их трудам также можно отнестись критически. То, что никто не пытался этого сделать, еще не означает, что это не может быть сделано вообще. В целом оппоненты были единодушны в оценках античного наследия и понимания человеческой природы. Различия касались их взглядов на будущее. И здесь Уоттон был более оптимистичен, чем его оппонент. Темпл сравнивает работы «новых» Иоганна Слейдена, Энрико Давила, Фамиануса Страда с сочинениями Геродота, Тита Ливия и Цезаря. Его симпатии целиком на стороне античных историков. Уоттон соглашался с этим, но с определенными оговорками. Да, он признает красноречие и высокий стиль древних авторов, но для него история и риторика не одно и то же. Любимый античный автор Уоттона — Полибий, влияние которого он прослеживает в «Мемуарах» Филиппа де Коммина и «Истории Тридентского собора» Паоло Сарпи. Что же касается Давила и Страда, он пишет, что «...если бы и была веская причина доверять их текстам, то только после разбора приемов их письма» [Wotton, 1694, p. 23, 44, 318]. Уоттон знал, о чем писал, он уже в 1689 г. начал готовить собрание манускриптов для своего друга Бентли, опираясь на приемы работы Жана Мабильона по «Дипломатике» 1681 г. [Wotton to Bently, p. 1–5]. Сопоставление различных редакций одного и того же источника, составление глоссариев было новым, захватывающим делом, триумфом изобретательности «новой» эпохи.

Но решающий удар по позициям «древних» нанес Ричард Бентли, который следуя своему обещанию обосновать подложность «Эпистол» Фалариса, написал целую «Диссертацию» [см.: Bently, 1697]. Текст Бентли был также спровоцирован изданием «Эпистол» Фалариса 1695 г., которую подготовил как переводчик и комментатор Чарлз Бойл из Тринити-колледжа в Оксфорде. Чуть ранее Бентли вел полемику с другим знатоком греческого языка, переводчиком и комментатором издания Эврипида 1694 г., Джошуа Барнсом из Иммануил-колледжа в Кембридже. И в той, и в другой ситуации Бентли стоял на позиции, что в практике софистов периода поздней Греции, как и во времена Фукидида, Сократа общим местом были литературные мистификации, подражания. Острая дискуссия с Барнсом и Бойлом заставила Ричарда Бентли взяться за перо. В результате в 1697 г. им была защищена «Диссертация по поводу Эпистол Фалариса».

Бентли, хоть и был лишен очевидного блеска, свойственного Уоттону, имел серьезную подготовку как в области гуманистической филологии, так и в том, что можно называть «новой» наукой толкования древних текстов. Он много работал в Бодлианской библиотеке в Оксфорде и был знатоком собрания ее редких манускриптов. Бентли заявил о себе в 1691 г. в ходе подготовки к публикации

одного из шедевров библиотеки — уникальной греческой хроники Иоанна Антиохийского или Иоанна Малалы. Главный редактор этого издания, д-р Джон Милл, ректор колледжа Сент-Эдмунд Холл в Оксфорде, попросил Бентли посмотреть уже подготовленный к публикации текст и высказать свои замечания. В результате Бентли написал целый трактат объемом в 100 страниц, текст которого вошел в первую публикацию оксфордской «Хронографии» Иоанна Малалы. Этот короткий трактат показал, что Бентли является одним из лидеров среди здравствующих английских ученых, знатоков древних языков. Легкость, с которой он восстанавливал неясные места, уверенность его исправлений, отсылки к другим источникам демонстрировали совершенно «новый» подход к литературным текстам древности, глубоко отличный от подхода «старых» английских классицистов. В 1695 г. Бентли был избран в Академию, и эти успехи позволили ему занять место куратора Королевской Библиотеки в Сент-Джеймсском дворце. Его статус и авторитет ко времени написания «Диссертации» были, несомненно, высоки.

В «Диссертации по поводу Эпистол Фалариса» «метод» Бентли был продемонстрирован со всей ясностью, блеском и убедительностью. В достижении поставленной цели — доказать ложность тезиса об авторстве «Эпистол» Фалариса — он использовал не столько филологические, сколько исторические аргументы. Главным аргументом Бентли была хронология. Датировка жизни Фалариса играла решающую роль в его аргументации. Он показал, что невозможно синхронизировать детали «Эпистол» со временем жизни Фалариса. Разве существовали уже тогда города, что упоминаются в тексте «Эпистол»? Является ли математик Пифагор современником Фалариса? Восхищаясь литературными достоинствами «Эпистол», Бентли стремился показать, что каждое сочинение классиков написано в определенных условиях и обстоятельствах и требует, прежде всего, исторического объяснения. Что было также новым, так это то, что он апеллировал в своей аргументации к нелитературным памятникам — монетам, надписям, монументам эпохи античности. И это был момент «разрыва» истории и филологии. Однако, справедливости ради, надо сказать, что текст диссертации получился трудным для чтения и до некоторой степени занудным.

Сам Темпл, как видный политик, был вынужден уклониться от открытого ответа и Уоттону, и Бентли. При этом он зорко следил за текущей дискуссией и, несомненно, был в курсе дела, поскольку приобретал каждую новую книгу в ходе этого спора. В частной же переписке Темпл хоть и был согласен с важностью и значимостью работ по переводу, комментированию и изданию древних авторов, но при этом замечал, что «новые» должны быть «волшебниками», чтобы в «своих комментариях, глоссариях, аннотациях быть более учеными, чем сами древние» [Temple, 1701, p. 256]. Современная ученость, полагал он, была в значительной степени занудна и — в общем и целом — необязательна. Эта точка зрения в открытой полемике еще имела прочные позиции, но была обречена в исторической перспективе. Только после смерти Темпла в 1699 г. первый в ряду его сторонников, Джонатан Свифт, дал ответ за своего патрона. В 1696 г. он написал и в 1704 г. издал сатирическое сочинение «Битва книг» в качестве пролога к «Сказке бочки» под названием «Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую

пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймсской библиотеке» [Swift]. Хотя сразу следует оговориться, что, по большому счету, Свифт не являлся участником спора «древних» и «новых». Здесь, скорее, мы имеем дело с литературной «картинкой» спора, изображением его в аллегорических образах.

Дадим слово автору предисловия «Полного и правдивого известия» к читателю: «Следующее ниже рассуждение... было написано примерно... в 1697 году, когда бушевала известная распря по поводу древней и новой учености. Спор возник после появления опыта на эту тему сэра Уильяма Темпла. Далее последовал ответ У. Уоттона, бакалавра богословия, с приложением, написанным д-ром Бентли, где тот пытался опорочить сочинителей Эзопа и Фалариса, которых сэр Уильям Темпл немало восхвалял в своем вышеупомянутом опыте. В этом приложении доктор свирепо напал на новое издание Фалариса, выпущенное достопочтенным Чарлзом Бойлом (ныне графом Оррери), на что г. Бойл отвечал обстоятельно со всею ученостью и остроумием, а доктор пространно ему возражал. В ходе спора публика была крайне возмущена, видя, что два вышеозначенных почтенных джентльмена без каких-либо оснований грубо обращаются со столь достойной и заслуженной особой, как сэр Уильям Темпл. Раздору не было конца, и тогда, повествует наш автор, КНИГИ в Сент-Джеймсской библиотеке... включились в спор и завязалась решительная битва. Однако рукопись, пострадавшая от непогоды или какой иной случайности, повреждена в некоторых местах, и мы так и не можем узнать, которая же из сторон одержала победу» [цит. по: Пучков].

Две гениальные аллегории создает Свифт на страницах «Битвы книг». Первая. Гора Парнас имеет две вершины и поделена между двумя народами. Суть конфликта между ними заключается в том, что «древние» сидят на более высокой и заслоняют вид на восток «новым». Последние возмутились и предложили либо поменяться местами, либо сровнять лопатами вершину «древних» до удобного «новым» уровня. Ответ «древних» прост: лопаты здесь не помогут, т. к. их вершина — сплошная скала, их совет «новым» — нарастить свою вершину. Другой аллегорией Свифта, основанной на идее Ф. Бэкона о трех путях познания «паука», «муравья» и «пчелы», является конфликт паука и пчелы. Паук, самонадеянный, злой и грубый, свил себе гнездо в углу библиотеки. Беспечная пчела, черпающая свою силу в природе, чуть не разрушила его жилище. Возник спор. Да, паук силен в математике и архитектуре, но искусства и пользы пчелы ему никогда не достичь. «Какое существо благороднее, то ли, которое в ленивом созерцании четырех дюймов в окружности, преисполненное спеси и целиком поглощенное собою, превращает все в испражнения и отраву, не производя ничего, кроме мушиного яда и паутины, или же то, которое, скитаясь по необозримым просторам, благодаря неутомимым поискам, изрядному прилежанию, здравому смыслу и умению распознавать суть вещей, приносит в дом мед и воск?». Устами Эзопа Свифт дает оценку «новым»: «Каковы бы ни были претензии новых, никакого своего искусства, насколько помню, они не создали, если только не считать их большой способности к сатире и сваре, весьма близких по своей природе и сути к паучьему яду; и как бы они ни уверяли, будто извлекают ядовитую слюну исключительно из самих себя, в действительности они пополняют свой яд, пожирая паразитов и гадов нынешнего века» [цит. по: Пучков; Swift]. «Битва книг» и «Сказка бочки»

дали Уоттону шанс переиздать свои «Рассуждения» в 1705 г. с новым введением, где он высмеял ортодоксальность Свифта [см.: Wotton, 1705]. Свифт ответил новым изданием «Сказки бочки» в 1710 г. с соответствующими комментариями, но аргументы сторон были явно исчерпаны.

Новая волна активности в дискуссии «древних» и «новых» поднялась через несколько лет и была связана с деятельностью молодого поэта Александра Поупа (1688–1744), который замыслил перевести на английский язык величайшую поэму античности — «Илиаду» Гомера. Образование и жизненный путь Поупа определялись ограничениями, накладываемыми в Англии католическим вероисповеданием. Состоятельность семьи, а также личные устремления позволили ему изучать языки и свободно читать произведения на английском, французском, итальянском, латинском и греческом языках. Перенесенный в 12-летнем возрасте туберкулез сделал его горбуном маленького роста, что во многом определило его занятия литературой. В 1709 г. состоялся литературный дебют А. Поупа — в подражание своему любимому поэту Вергилию он опубликовал «Пасторали», мгновенно принесшие ему славу. Поэма «Опыт о критике» 1711 г. была опубликована анонимно, хорошо принята публикой и демонстрировала появление нового сильного бойца в стане «древних». Именно в это время Поуп сошелся с писателями Джоном Геем, Джонатаном Свифтом, Томасом Парнеллом и Джоном Арбетнотом, которые и образовали знаменитый сатирический клуб «Скриблерус». Его целью было высмеивать заблуждения и занудность вымышленного ученого Мартина Скриблеруса.

Страстное желание Поупа перевести «Илиаду» на английский язык определялось двумя обстоятельствами: его стремлением продемонстрировать свою точку зрения на «стандарт» перевода древних «великих», а также появлением на французском языке «Илиады» в 1709 г. в переводе мадам Дасье. В 1713 г. Поуп объявил о своем проекте и издал шесть томов «Илиады» с 1715 по 1720 гг. Это был великий поэтический перевод, на котором произрастали последующие поколения британцев, о котором Сэмюэл Джонсон говорил, что это сочинение «не имеет шансов иметь себе равных в наш век», это «величайшая книга, которая когда-либо была написана» [Boswell, p. 256]. Справедливости ради, надо заметить, что это был не первый опыт перевода «Илиады» на английский язык. Талантливый поэт и драматург, душеприказчик Уолтера Рейли Джордж Чапмен опубликовал перевод поэмы еще в 1611–1615 гг. Череда последующих переводчиков «Илиады» на английский язык обширна, но версия Поупа имела самую широкую популярность и пользуется ей до сих пор.

Как «новые» реагировали на ошеломляющий успех «Илиады» Александра Поупа? Из полемики более позднего времени мы читаем их ответ Поупу в лице племянника Бэнтли: «Вы, кажется, очень злы на Д-ра Бентли последнее время. И это потому, что он сказал (при мне, я был свидетель), что Ваш Гомер был жалкой чепухой? Это может быть названо *модернизированным Гомером* или чем-то еще; но, чего здесь определенно мало или вообще нет, так это следов Древней Греции. Д-р Бентли сказал правду. За Вашей спиной сотни людей говорят то же самое. Гомер переведенный, сначала на английский, во-вторых, положенный на рифму, в-третьих — не с оригинала, но, и это в-четвертых, с французского

перевода в прозе, да еще сделанного женщиной, каким же Дьяволом должен быть этот Гомер? Для тех, кто знает греческий язык и сравнит Вашу Версию с Оригиналом, как это сделал я во многих местах, должен сказать, что Вы ничего не смыслите в этом» [Bently, p. 14, 71–89]. Самому Ричарду Бентли приписывают фразу: «это очень милая поэма, но я должен сказать, что это не Гомер» [цит. по: Levine, 1994, p. 222]. Однако успех «древних» у публики был несомненен, они продемонстрировали свое превосходство над педантами-лексикографами. «Как Мартин стал великим критиком» — было неизменной темой клуба «Скриблерус» [How Martin Became a Great Critic, p. 129]. Наступил «век императора Августа» и его великих поэтов Вергилия, Горация и Овидия — век расцвета английской литературы XVIII в.

А что же история, как складывалась ее судьба в Августинианскую эпоху Британии? «Новым» предстояла долгая и кропотливая работа. Как писал анонимный автор в 1742 г., «мы имеем Локка, Ньютона и Драйдена, но мы не можем похвастаться Ливием, Фукидидом или Тацитом» [см.: Collection of State Papers; Thomson]. Однако история медленно, но верно формировала свой собственный modus vivendi. Решающее значение здесь имело наследие Уильяма Кемдена (1551–1623), основателя кафедры истории в Оксфорде в 1622 г. Его ученик и наследник на этом посту Дегори Уир (1573–1647) опубликовал в октябре 1623 г. на латинском языке работу «О природе и способе чтения истории» [см.: Whear], ставшую его инаугурационной речью. Книга была хорошо встречена, сосредоточена на изучении светской истории и выдержала несколько изданий. Англоязычная версия под названием «Метод и причина для чтения гражданской и церковной историй» была опубликована в 1685 г. Эдмундом Боуном [Whear, 1685]. В момент, когда в 1694 г. были опубликованы «Размышления» У. Уоттона, перевод Боуна переживал свое второе издание. Предисловие к нему написал один из преемников Уира на посту главы кафедры древней истории в Оксфорде Генри Додуэл (1641–1711). Это сочинение можно считать началом разработки метода в британской традиции историописания. Конечно, это была еще антикварная традиция, но она свидетельствовала о возрастающем интересе экзаменовать древние тексты так же хорошо, как древние слова, креп призыв к новому стандарту точности и критицизма.

Но что было еще более важным, так это то, что именно на волне спора «древних» и «новых» возник проект переиздания главного сочинения Уильяма Кемдена — «Британии». И если гражданскую историю Англии нельзя было пока представить как хорошо организованный нарратив, то лучшим доказательством этого была «Британия» Кемдена. Она была прекрасным примером антикварной эрудиции и знакомства с последними и лучшими образцами европейской учености. Этот проект в первой половине 90-х гг. XVII в. возглавил Эдмунд Гибсон (1669–1748), который приобрел известность подготовкой публикации «Англосаксонской хроники» в 1692 г. Занимаясь подготовкой переиздания «Британии» Кэмдена, Гибсон развернул обширную деятельность по составлению комментариев и собрал сильную команду. От Шотландии — специалиста в области естественной истории Британии сэра Роберта Сибалда (1641–1722) из Эдинбургского университета; от Уэльса — знатока кельтских языков, служителя Ашмолеанского

музея в Оксфорде Эдварда Ллуйда (1660–1709); составителя трехтомной «Английской исторической библиотеки» Уильяма Николсона (1655–1727) [см.: Nicolson]; друга Уоттона и Бентли Джона Ивлина (1620–1706), который работал в этот момент над собственным сочинением «Нумизматика» [см.: Evelyn]. Новое издание Кемдена получилось блестящим воплощением современного совместного продвижения в изучении прошлого [см.: Camden]. Хотя новому изданию еще было далеко до совершенства — Рим строился не один день — но Кемден, подобно античным авторам, занял место в пантеоне богов и получил новый перевод и комментарии. Дж. Локк, например, считал, что в библиотеке каждого джентльмена должна появиться новая «Британия» [Locke].

Наилучшей попыткой соединить два модуса в развитии истории в разгар «битвы книг» были работы вышеупомянутого епископа Уильяма Николсона. В 1696 г. он выпустил первую часть своей «Английской исторической библиотеки» [см.: Nicolson, pt. 1], которая являлась обзором исторических источников по английской истории с критическими комментариями. Как он верно полагал, еще не была написана простая и удобная история королевства. Он также понимал, что эта задача по плечу только «...мастерам в наших как древних, так и современных языках; сведущих в письменах бриттов, римлян, саксов, данов и других древних, знакомых с историками начиная с эпохи до Вильгельма Завоевателя» [Nicolson, pt. 3, p. 3]. Лексикография как отрасль знания получила в результате спора «древних» и «новых» невиданное ранее развитие. Например, У. Уоттон в «Защите размышлений» 1705 г. отмечает работу Джорджа Хикса (1642–1715) «Тезаурус северных языков» [Linguarum veterum septentrionalium], который еще в 1689 г. издал англо-саксонскую грамматику на латинском языке (второе расширенное издание — в 1705 г.). Уоттону был близок метод Хикса, он, как и Бентли, использовал знак в соответствии с датировкой документа. Другим крупным специалистом англо-саксонского языка был соратник Хикса по Оксфорду Эдвард Туейтс (1667–1711). Все это показывало, что англосаксонское наследие становится «новым» объектом осмысления, как с точки зрения учебных целей, так и в значительной степени в политическом и конфессиональном контекстах. Казалось бы, реализация проекта средневековой английской истории достигала своего апогея, но вскоре Туейтс умер молодым, Хикс — изношенным от старости, кто-то посвятил себя священническим обязанностям, как Гибсон, став епископом Лондона. Казалось, «новые» проиграли «битву книг».

Показательной является оценка антикваров лордом Болингброком в «Письмах об изучении и пользе истории» (написанных в начале 1730-х гг., опубликованных в 1752 г.) как компиляторов, «которые редко имеют возможность узнать закулисную сторону дела, от которой зависят все официальные документы, и столь же редко наделены умением и талантами, необходимыми, чтобы должным образом собрать воедино то, что они действительно знают: они не в состоянии видеть работу рудника, но их усердие собирает то, что выбрасывается наружу». Они, с точки зрения Болингброка, не историки, задачей которых «является — или должно являться — отделение чистой руды от породы, чеканка из нее монеты и обогащение, а не обременение человечества» [Болингброк, с. 56]. Он не видит таковых среди современных ему англичан. Вот Энрико Давила — «превосходный

историк», которого он признает равным во многих отношениях Титу Ливию [Там же, с. 61]. «У нас есть лишь два исторических сочинения, во всех отношениях сравнимые с античными, — это история царствования Генриха Седьмого лорда Бэкона и история наших гражданских войн в прошлом столетии... лорда-канцлера Кларендона» [Болингброк, с. 79]. «...У нас отсутствует общая история... равным образом нет у нас, о чем я сожалею гораздо больше, ни частных исторических исследований, за исключением тех двух, о которых я упомянул, ни создателей мемуаров, ни собирателей документов и анекдотов... теми, кем могут похвастать другие нации, начиная с Коммина, Гвиччардини, Дю Белле, Паоло, Давилы, Фуана». Эта оценка национального историописания свидетельствует о явной приверженности лорда Болингброка к лагерю «древних» и недооценке, непониманию «нового» подхода в осмыслении прошлого, нового критицизма и нового метода историописания.

Итак, к 30-м гг. XVIII в. буря стихла. Что же до итогов «спора старых и новых» в Британии, то с этого времени изучение классических языков и литературы пошло своим путем, а историописание уже развивалось на новых, самостоятельных критических основаниях. Уильям Темпл сделал великое дело, написав эссе «О знаниях древних и новых» в 1690 г. Напряженность интеллектуального и идейного противостояния между «новыми» и «старыми» породила такие образчики изящной словесности, как «Размышления о знаниях древних и новых» Уильяма Уоттона 1994 г., с блеском защищенную Ричардом Бентли «Диссертацию по поводу Эпистол Фалариса» 1697 г. Работа Дегори Уира о методе давала основания для создания новой светской истории, была популярна и по сути своей близка к эрудитской традиции континентального историописания. Но что является еще более важным, дискуссия «старых» и «новых» обратила антикваров к изучению истории Британии на новых основаниях. Критическому изданию подверглись «Англо-саксонская хроника», сочинения Беды Достопочтенного и другие памятники национального прошлого. Это породило подъем в развитии лексикографии кельтских и английского языков. И в этом отношении история историописания в Августинианскую эпоху на Британских островах еще только должна быть написана как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Барг М. А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 275–315. [Barg M. A. Istoricheskaja mysl' anglijskogo Prosveshhenija: Bolingbrok // Bolingbrok. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M., 1978. S. 275–315.]

Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998. 307 с. [Barg M. A., Avdeeva K. D. Ot Makiavelli do Juma: Stanovlenie istorizma. M., 1998. 307 s.]

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1977. 359 с. [Bolingbrok. Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii. M., 1977. 359 s.]

Маколей Т. Б. Сэр Виллам Темпл // Маколей Т. Б. Полн. собр. соч. Т. 3 : Исторические и критические опыты. СПб., 1862. С. 140–236. [Makolej T. B. Sjer Villam Templ // Makolej T. B. Poln. sobr. soch. T. 3 : Istoricheskie i kriticheskie opyty. SPb., 1862. S. 140–236.]

Пучков П. А. Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века // Преподавание истории в школе. 2006. № 11. С. 24–28. [Puchkov P. A. Spor «drevnih» i «novyh» na ishode XVII veka // Prepodavanie istorii v shkole. 2006. № 11. S. 24–28.]

Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля парижской академии наук секретаря [Электронный ресурс] / пер. А. Кантемира. СПб., 1740. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html [Razgovory o mnozhestve mirov gospodina Fontenelja parizhskoj akademii nauk sekretarja [Electronic resource] / per. A. Kantemira. SPb., 1740. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html]

Фонтенель Б. Отступление по поводу древних и новых [Электронный ресурс] // Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме / отв. ред. Х. Н. Момджян. М., 1979. С. 172–188. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html [Fontenel' B. Otstuplenie po povodu drevnih i novyh [Electronic resource] // Fontenel' B. Rassuzhdenija o religii, prirode i razume / otv. red. X. N. Momdzhjan. M., 1979. C. 172–188. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html]

Фролов Э. Д. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрагантском тиране VI в. до н. э. // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 4–20. [Frolov Je. D. Byk Falarisa: mif i real'nost' v predanii ob akragantskom tirane VI v. do n. je. // Antichnoe gosudarstvo. Politicheskie otnoshenija i gosudarstvennye formy v antichnom mire / pod red. Je. D. Frolova. SPb., 2002. S. 4–20.]

Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. 420 с. [Frolov Je. D. Paradoksy istorii — paradoksy antichnosti. SPb., 2004. 420 s.]

Bently R. A. Dissertation Upon the Epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly [Electronic resource]. 1697. URL: https://archive.org/stream/richardbentleydd00bartuoft#page/n7/mode/2up

Bently T. A. Letter to Mr. Pope Occasioned by Sober Advice from Horace; Pope's Sober Advice // Works of Mr. Alexander Pope. L., 1735. Vol. 4.

Black R. Ancients and Moderns in the Renaissance: Rhetoric and History // Journal of the History of Ideas. № 43. 1982. P. 3–32.

Boswell J. Life of Samual Johnson : in 6 vols. / ed. G. B. Hill, rev. L. P. Powell. Oxf., 1934–1964. Vol. 3. 1934. 420 p.

Burnet T. The Sacred Theory of the Earth [Electronic resource]. 1st ed. 1684. URL: http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Burnet%2C%20Thomas%2C%201635%3F-1715

Camden W. Britannia. Newly Translated into English: with Large Additions and Improvements [Electronic resource] / ed. Edward Gibson. L., 1695. URL: http://ebooks.adelaide.edu.au/c/camden/william/britannia-gibson-1722/complete.html

Collection of State Papers of the First Earl of Orrery. 1642.

Courtenay T. P. Memoirs of the Life, Works, and Correspondence of Sir William Temple : in 2 vols. L., 1836.

Dupin L. Nouvelle Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques : in 19 vols. P., 1691–1715.

Dupin L. A new history of ecclesiastical writers : in 13 vols. L., 1692–1699.

Evelyn J. Numismata: A Discourse of Medals. L., 1697.

Faber R. The Brave Courtier: Sir William Temple. L., 1983.

Fontenelle B. de. Entretiens sur la pluralit é des mondes. P., 1686.

Fontenelle B. de. Digression sur les Anciens et les Modernes. P., 1688.

Hans B. The Querelle of the Ancients and the Moderns as a Problem for Renaissance Scholarship // Journal of the History of Ideas. № 20. 1959. P. 3–22.

Homer E. Woodbridge, Sir William Temple: The Man and His Works. N-Y., 1940.

How Martin became a Great Critic // Memoirs of Martin Scriblerus / ed. Ch. Kerby-Miller. New Haven, 1950.

Jones R. F. Ancients and Moderns Reconsidered // Eighteenth-Century Studies. 1981. № 15. P. 72–89.

Jones R. F. The Background of the Battle of the Books // Washington University Studies. 1920. № 7. P. 99–162.

Keller A. C. Ancients and Moderns in the Early Seventeenth Century // Modern Language Quarterly. 1950. № 11. P. 79–82.

Levine M. J. Method in the History of Ideas: More, Machiavelli, and Quentin Skinner // Annals of Scholarship. 1986. № 3. P. 37–60.

Levine M. J. The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Ithaca, NY, 1994.

Levine M. J. The Autonomy of History. Truth and method from Erasmus to Gibbon. Chicago, 1999.

Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus / G. L. Hickes. Oxford, 1703–1705.

Locke J. Some Thoughts Concerning Reading and Study // Locke J. Works : in 10 vols. L., 1824. Vol. 10. P. 449.

Marburg C. Sir William Temple. New Haven, 1932.

Nicolson W. The English Historical Library; or Short View and Character of most of the Writers now extant either in Print or Manuscript which be Serviceable to Undertaking of General History of this Kingdom : in 3 parts. L., 1696–1699.

Richard Bently to William Wotton // Bently R. Dissertations upon the epistles of Phalaris. L., 1697. P. 6.

Sir William Temple's essays on ancient and modern learning, and on poetry [Electronic resource] / ed. by J. E. Spingarn. 1909. URL: https://archive.org/stream/sirwilliamtemple00tempuoft/sirwilliamtemple00tempuoft_djvu.txt

Swift J. A Full and true account of the battle fought last friday between the ancient and the modern books in Saint James's library // The Works of Jonathan Swift, D. D., Dean of St. Patrick's, Dublin: Including the Whole of His Posthumous Pieces, Letters, & c. Vol. 1. L., 1784. P. 391–433. [Electronic resource]. URL: http://books.google.ru/books?id=_ggfAAAAMAAJ&dq=Swift+J.+A+full+and+true+account

Temple W. Observations upon the United Provinces of the Netherlands. L., 1673.

Temple W. Miscellanea [Electronic resource]. The Third Part. L., 1701. URL: http://books.google.ru/books?id=x7w6AQAAMAAJ&pg=PA258&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q=annotation&f=false

Thomson M. A. Some Developments in English Historiography during Eighteenth Century, University College Inaugural Lecture. L., 1957.

Whear D. The Method and Order for Reading both Civil and Ecclesiastical Histories. L., 1685.

Whear D. De ratione et methodo legendi historias [Electronic resource]. URL: http://www.philological.bham.ac.uk/whear/text.html.

Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning [Electronic resource]. L., 1694. URL: https://archive.org/details/reflectionsupon00wottgoog.

Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. With Observations upon the Tale of a Tab. 3th ed. L., 1705.

Wotton to Bently, may 14, 1689 // Correspondence of Richard Bently : in 2 vols. L., 1842. Vol. 1. P. 1–5.

Статья поступила в редакцию 03.07.2014 г.